

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

Экономическая теория, идеология и экономический интерес¹

Светлана Г. КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР

<https://orcid.org/0000-0002-9234-8308>

доктор социологических наук

Институт экономики РАН

Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32

Институт экономики УрО РАН

Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29

e-mail: kirdina@inecon.ru

Для цитирования: Кирдина-Чэндлер С. Г. Экономическая теория, идеология и экономический интерес. *AlterEconomics*. 2022. Т. 19. № 1. С. 71-92. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.5>.

Аннотация. Дискуссии о роли экономической теории актуальны в России и мире. Эта роль зависит как от усилий самих экономистов-теоретиков, так и от контекста ее развития. В данной статье в качестве элементов такого контекста выделены идеология и экономические интересы. Поэтому цель представленного исследования — их совместное рассмотрение, а основной предмет — взаимосвязи экономической теории, идеологии и экономических интересов. Тестируется новый исследовательский подход, предполагающий согласованное рассмотрение этих феноменов на трех уровнях — индивидуальном, институционально-групповом и социетальном. Индивидуальный уровень представлен концепциями отдельных экономистов — в данном случае Н.Д. Кондратьева. Институционально-групповой уровень представлен сообществами экономистов, объединенных разработкой общих научных направлений. Социетальный уровень означает рассмотрение экономической теории, идеологии и экономических интересов на уровне общества как целого. Предложенный многоуровневый подход опирается на комбинированную методологию. В ней сочетаются анализ релевантной литературы, элементы межстранового анализа, case study и биографического метода. Сравниваются особенности экономической теории, идеологии и экономических интересов в «западном мире», КНР и в нашей стране. Соответственно, в качестве кейсов выбраны неоклассическая экономическая теория, «политическая экономия с китайской спецификой» и советская политическая экономия раннего СССР, современная Н.Д. Кондратьеву. Биографический метод используется для анализа экономического теоретизирования и идеологических предпочтений Н.Д. Кондратьева. В результате исследования выявлены общие закономерности развития неоклассической экономической теории «западного мира», «политической экономии с китайской спецификой» и советской политической экономии. Они обусловлены местом экономической теории в обществе и спецификой организации и функционирования экономического знания. Также показаны последствия рассогласований в развитии экономической теории, идеологии и экономических интересов, которые могут иметь негативный характер. Это наблюдается как в отношении отдельных экономистов, что показано на примере Н.Д. Кондратьева, так и в развитии конкретных направлений экономической теории, как это было в советской политической экономии.

Ключевые слова: Николай Кондратьев, экономическая теория, идеология, экономический интерес, неоклассическая экономическая теория, советская политическая экономия социализма, политическая экономия социализма с китайской спецификой, СССР, Китай

Благодарность: Выражаю благодарность В. И. Маевскому и Л. И. Кондрашовой за полезные замечания.

¹ © Кирдина-Чэндлер С. Г. Текст. 2022.

RESEARCH ARTICLE

Economic Theory, Ideology, and Economic Interests

Svetlana G. KIRDINA-CHANDLER<https://orcid.org/0000-0002-9234-8308>

Dr. Sci. (Sociol.)

*Institute of Economics of the RAS**32, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117218, Russian Federation**Institute of Economics of the Ural branch of RAS**29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation*e-mail: kirdina@inecon.ru

For citation: Kirdina-Chandler, S. G. (2022). Economic Theory, Ideology, and Economic Interests. *AlterEconomics*, 19(1), 71-92. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.5>.

Abstract. The social significance of economic theory is widely discussed in Russia and in the world. The role of economic theory depends on the efforts of theoretical economists themselves as well as on the context of its development. Ideology and economic interests are important elements of this context. Therefore, the purpose of this study is to examine these elements and the relationship between economic theory, ideology and economic interests in Western countries, in China and the USSR by comparing neoclassical economic theory, “political economy with Chinese characteristics”, and political economy developed in the early Soviet period. Methodologically, the study relies on the methods of cross-country analysis, case study and biographical analysis. The study comprises three levels: individual, institutional, and societal. The individual level is represented by individual economists, more specifically, the focus will be made on Nikolai Kondratiev’s views and ideological preferences. The institutional level is represented by communities of economists working within common areas of interest. The societal level means that economic theory, ideology and economic interests are considered at the level of society as a whole. As a result of the study, similar patterns of development of neoclassical economic theory, Soviet political economy, and “political economy with Chinese characteristics” were identified. These similarities can be explained by the role of economic theory in society and the way economic knowledge is organized and functions. It was also shown that a mismatch between the development of economic theory, ideology and economic interests may have a negative impact. It was observed towards individual economists, what is shown in the example of Kondratiev, and specific areas of economic theory development in the period of Soviet political economy.

Keywords: Nikolai Kondratiev, economic theory, ideology, economic interest, neoclassical economic theory, Soviet political economy, political economy of socialism with Chinese characteristics, USSR, China

Acknowledgements: The author thanks V. I. Maevsky and L. I. Kondrashova for useful comments.

UDC 330.101.8**JEL B3, B41, B52, N0**

Введение

Идея исследования, представленного в статье, возникла на стыке двух юбилеев. Первый — ожидаемое в марте 2022 г. 130-летие Н.Д. Кондратьева. Ему посвящен данный тематический выпуск нашего журнала. Как часто бывает, юбилейные даты привлекают внимание и к идеям, и к судьбам юбиляров, будоражат вопросами. Почему идеи Кондратьева не получили признания в стране при его жизни? Почему сама его жизнь сложилась так трагически?¹ Второй юбилей — 30-летие распада Советского Союза, которое вспоминали в декабре 2021 года. Он с новой силой запустил публичные дебаты и размышления о причинах того эпохального со-

¹ Николай Дмитриевич Кондратьев (04.03.1892–17.09.1938) расстрелян по обвинению в антисоветской деятельности. Реабилитирован в 1963 г. (без опубликования сведений), повторно реабилитирован в 1987 г.

бытия. Один из вопросов, который возник в этой связи, также был связан с ролью общественных наук в развитии страны¹.

Поставленные вопросы — часть постоянных дискуссий о месте и функциях экономической теории (и экономистов-теоретиков), что ведутся в России и мире. Не только по мнению обывателей, но и самих представителей научного сообщества, «экономическая наука не позволяет сформулировать ясные ответы на вызовы, с которыми столкнулось человечество в своей хозяйственной деятельности» (Некипелов, 2017. С. 14). Что мешает экономической теории быть по-хорошему прагматичной, кроме ее «неадекватных» методологических оснований (Олейник, 2021)? А что способствует этому? Почему сохраняется выявленная израильским экономистом Ариэлем Рубинштейном дилемма актуальности: «имеют ли право экономисты консультировать кого-то или утверждать что-то с намерением повлиять на реальный мир?» (Рубинштейн, 2008. С. 62).

Для того, чтобы глубже в этом разобраться, рассмотрим экономическую теорию и ее творцов не самих по себе, но в более широком контексте, а именно во взаимосвязи с идеологией и экономическими интересами. Эти взаимосвязи — основной предмет данного исследования. Для их изучения протестируем возможности нового многоуровневого подхода, при котором выделяются индивидуальный, институционально-групповой и социетальный уровни анализа. Индивидуальный уровень представлен концепциями и идеологическими предпочтениями конкретных экономистов-теоретиков. Институционально-групповой уровень представлен определенными научными направлениями, которые рассматриваются как «концептуальная популяция, объединенная общими идеалами и нормами экономических исследований» (Кирдина, 2013. С. 100). Социетальный уровень означает рассмотрение экономической теории, идеологии и экономических интересов на уровне общества (национального государства)² как целого.

Другая особенность исследования связана с комбинированной методологией. Она включает в себя теоретические рассуждения, опирающиеся на анализ релевантной литературы, элементы сравнительного (межстранового) анализа, *case study* и биографического метода. Так, сравнительный анализ и *case study* применяются для сопоставления образцов экономической теории и идеологии в разных странах и «мирах». В частности, будут представлены «западный мир»³, Китай и СССР. Биографический метод используется для анализа экономического теоретизирования и идеологических предпочтений Н.Д. Кондратьева.

Структура статьи состоит из введения, двух разделов и выводов.

Раздел «Экономическая теория» начинается с рассмотрения экономического теоретизирования на индивидуальном уровне (на примере Н.Д. Кондратьева).

¹ Подробнее об этом см.: Кирдина-Чэндлер С. Г. Несостоявшийся теоретический синтез — тормоз реальной практики (методологические заметки по поводу распада СССР) // Социологические исследования. 2021. № 12. С. 27–36.

² Хотя принято считать национальное государство понятием политическим, а общество — понятием социальным, для целей нашего анализа этот нюанс не является существенным. Термин «социетальный» в данном случае сочетает оба этих понятия.

³ Несмотря на очевидные различия между странами, относимыми к «коллективному Западу», в российском (и не только) научном экономическом сообществе сложился определенный консенсус относительно определения «западной» экономической теории и идеологии как некоего единства (см., например, Худокормов и др., 2018; Nabi, 2015; Bresser-Pereira, 2010).

На институционально-групповом уровне проанализируем образцы «институционального дискурса» в экономической теории, который характерен для экономистов-теоретиков, работающих в общем научном направлении. Объектами рассмотрения будут неоклассическая экономическая теории «западного мира», «политэкономия социализма с китайской спецификой» в КНР и политическая экономия социализма раннего СССР. Социетальный уровень анализа позволит исследовать запросы общества к экономической теории и вытекающую из этого ее роль в социально-экономическом развитии.

Аналогичный подход реализован в разделе «Идеология». На индивидуальном уровне объектом рассмотрения станут идеологические взгляды и убеждения Н.Д. Кондратьева. На институционально-групповом уровне рассмотрим типичные для различных экономических сообществ объединяющие их идеологические подходы. Затем рассмотрим взаимосвязь экономической теории и общественной идеологии на социетальном уровне как теоретически, так и на конкретных примерах.

В «Выводах» обобщены результаты проведенного исследования и обозначена роль национальных экономических интересов при развитии экономических теорий и идеологий.

Экономическая теория

В самом общем виде экономическая теория представляет собой совокупность верифицированных моделей (описаний) наиболее существенных черт и свойств экономической жизни в статике и динамике.

Экономическая теория на индивидуальном уровне представлена идеями и концептами конкретных ее представителей. Здесь важное значение имеют научная биография ученых, теоретические воззрения, с которыми им пришлось соприкасаться в ходе своего становления, специфика карьеры и др. Многочисленные исследования историков науки доказывают значимость этих факторов в эволюции идей и концептов ученых, в том числе экономистов-теоретиков.

В связи с тематикой данного выпуска естественно обратиться к идеям Н.Д. Кондратьева. При жизни Кондратьева они не получили поддержки в нашей стране, хотя с интересом были восприняты за рубежом, прежде всего Йозефом Шумпетером. Именно он назвал выявленные Кондратьевым большие циклы экономической конъюнктуры (суперциклы) «кондратьевскими волнами», или К-волнами. В СССР работы Кондратьева долго замалчивались по идеологическим соображениям. Однако после повторной политической реабилитации Н. Д. Кондратьева в 1989 г., растет интерес как к работам, так и к личности ученого¹. Биография и научный анализ его трудов представлены в (Симонов, Фигуровская, 1994; Макашева, 1989, 2017; Бианкина, Лясников, 2018) и многих других работах.

Поэтому ограничимся замечаниями, наиболее важными с точки зрения нашего исследования, т. е. отметим характерные черты экономического теоретизирова-

¹ Научная» реабилитация Н. Д. Кондратьева началась до его политической реабилитации. В 1984 г. в журнале «Коммунист» (общественно-политическом и теоретическом издании ЦК КПСС) вышла статья известного советского экономиста С. М. Меньшикова «Структурный кризис экономики социализма». Ее автор не только опирался на идеи Кондратьева, но и показал справедливость теории длинных волн на материалах современной ему экономической статистики.

ния Н.Д. Кондратьева¹. Во-первых, он был сторонником позитивной науки. Это определяло специфику его метода, в котором статистический анализ и выявление статистических закономерностей играли основную роль². Во-вторых, отметим отсутствие во взглядах Кондратьева характерного для ряда экономистов того времени (прежде всего марксистов) подхода к анализу экономических процессов с точки зрения классовой борьбы. В своих исследованиях он обращал преимущественное внимание на кооперативные, а не антагонистические взаимодействия между классами и социальными группами, подчеркивая, что их экономическая деятельность нужна друг другу. В-третьих, в своих научных взглядах Кондратьев был адептом эволюционного подхода³. Этому, возможно, способствовала работа со статистикой, которая позволяла Кондратьеву наблюдать долгосрочные закономерные тренды в развитии экономических процессов. «Его научная методология базировалась на принципах объективности, достоверности и достаточности статистической информации и не использовала характерный для советского периода подход, основанный на коммунистической идеологии и социологических идеях К. Маркса о разрушительном влиянии «организованного капитализма» на экономику и общество и необходимости классовой борьбы» (Бианкина, Лясников, 2018. С. 171). Подытоживая, можно сказать, что в своей деятельности Кондратьев реализовывал эмпирико-статистический проект экономической науки⁴, отрицая телеологические принципы образования понятий⁵ и не принимая идеографический подход к изучению экономической истории (Макашева, 1989. С. 8–9).

Перейдем к рассмотрению экономической теории на институционально-групповом уровне, где формируются и действуют научные, зачастую парадигмальные, стандарты экономического теоретизирования, разделяемые популяциями ученых-экономистов. Они выражаются в соответствующем институциональном дискурсе. «Институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» (Карасик, 2002. С. 279), в данном случае экономического научного сообщества. Такого рода дис-

¹ Мы не затрагиваем философские основы теоретических построений Кондратьева из-за концентрации преимущественно на его экономических (базирующихся на них) концептах.

² Не случайно по окончании университета Кондратьев сочетает научную работу по кафедре политической экономии и статистики с работой (с 1916 г.) заведующего статистико-экономическим отделом Земского союза Петрограда. Позже глубокие знания статистики стали причиной того, что Кондратьев стал одним из основателей и первым директором Конъюнктурного института при Наркомате финансов СССР (1920–1928), переданного затем в Центральное статистическое управление страны.

³ Также Кондратьева называют сторонником генетического подхода (Горина, 1999. С. 24), противопоставляя его подход телеологическому. Эти два подхода доминировали среди экономистов-теоретиков 1920–30-х гг., в частности, при обсуждении проблем планирования (подробнее см.: Боженова С.И. Экономические воззрения ученых-экономистов 20–30-х годов XX века по проблемам становления и развития планирования: дисс. ... канд. экон. наук по специальности 08.00.01 Экономическая теория. Санкт-Петербург: УВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет». 2021. URL: <https://unecon.ru/sites/default/files/dissbozhenovasi.pdf> (дата обращения 12.11.2021).

⁴ Об этом и других типах проектов организации экономической науки см. (Ананьин, 2021. С. 36). О Кондратьеве как стороннике эмпирического подхода см. также (Макашева, 2017. С. 55).

⁵ Уже в первый год обучения в Петербургском университете в научном кружке, руководимом М.И. Туган-Барановским, Кондратьев сделал доклад на тему «Телеологические элементы в политической экономии», где обозначил эти взгляды (Макашева, 1989. С. 8).

курс¹ имеет отчетливый контекстуальный характер, то есть обусловлен не только особенностями участников дискурса, но и более широким контекстом событий и деятельности, в которую они вовлечены. Дискурс выступает «посредником» (Ачилова, 2009. С. 95) между творцами экономических теорий как членами общей популяции экономистов. Он маркирует «институциональное общение, которое, в отличие от лично-ориентированного, использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков, то есть обладает собственным подязыком» (Шейгал, 2000. С. 15). Поэтому представления о том, что такое «экономическая теория», неодинаковы в различных научных сообществах.

Так, в «западном мире» «(П)од безоговорочным термином «экономическая теория» экономисты обычно имеют в виду определенную теорию, выведенную из неоклассической экономической теории конца девятнадцатого века» (Jackson, 1993. P. 11). Включение в орбиту неоклассики более поздних концепций (от провалов рынка до эволюционной стабильности), как и новых методологий (экспериментов или симуляций), не меняет ее базовых конструкций, что позволяет называть ее «поздней неоклассической экономической теорией» (*late neoclassical economics*) и рассматривать как следование тем же теоретическим традициям (Madra, 2017). Соответственно, экономическая теория, не оперирующая языком неоклассики с ее опорой на принцип методологического индивидуализма, анализом производственных функций, моделями рынков и равновесным подходом, в качестве «полноценной» экономической теории в соответствующей популяции экономистов не воспринимается. Не случайно «правильность» неоклассики зафиксирована в термине «ортодоксальная экономическая теория», в то время как тероретизирование за ее пределами отнесено к гетеродоксальным² («еретическим») направлениям.

Иную специфику понимания экономической теории на институционально-групповом уровне можно увидеть в КНР. С момента основания современного китайского государства (1949 г.) «подлинной» экономической теорией здесь считаются концепции, основанные на марксистской политической экономии. Отвечая вызовам времени, «в процессе практического сочетания модернизации Китая и марксизма происходит китаизация последнего» (Ван Лань, Чжао Инин, 2010. С. 16) при сохранении основополагающих марксистских положений. Этапы китаизации марксистской экономической теории связаны, как правило, с именами политических лидеров тех лет. Так, известны версии марксистской экономической теории Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина — их анализ подробно представлен в (Виноградов, 2010). В настоящее время развитие марксистской политэкономии обобщено в трудах нынешнего лидера КНР Си Цзиньпина, который продолжает тенденции «по оформлению практического опыта страны в систематизированную экономическую теорию... марксистской политической экономии в современном Китае»³. Несмотря на декларированный плюрализм при «создании «обществен-

¹ В аналогичном значении используется понятие «когнитивная структура» (Нуреев, Ореховский, 2021. С. 186). Названные авторы использовали его для анализа советской политической экономии и типичного дискурса ее представителей.

² Гетеродоксальный (от гр. *heteros* — другой, гр. *doxa* — мнение, представление) — «верующий по-другому».

³ СИНЬХУА Новости. URL: http://russian.news.cn/2020-08/15/c_139293384.htm (дата обращения: 08.10.2021).

ных наук с китайской спецификой» с опорой на марксизм, национальную традицию и западные теории» (Борох, 2019. С. 30), марксистская теория имеет очевидный приоритет. Это связано в том числе и с тем, что она рассматривается как «народная теория, потому что впервые была создана система идей для освобождения народа» (Буров, 2020. С. 5). Немарксистские экономические концепции не запрещены и активно изучаются в университетах, но все более отходят на периферию современного экономико-теоретического знания, особенно после XVIII съезда КПК в 2012 г. Основные усилия китайских марксистов направлены на то, чтобы «укреплять базовое положение марксистской теории как „дисциплины первого уровня“ ... и на разработку политэкономии социализма с китайской спецификой» (Борох, 2019. С. 31).

В качестве отечественного примера специфики экономической теории на институционально-групповом уровне рассмотрим политическую экономию социализма в СССР, которая активно формировалась в годы жизни Н.Д. Кондратьева. Для нее также был характерен определенный институциональный дискурс, поддерживаемый и разделяемый (по крайней мере явно) большинством советских политэкономов. Если снова воспользоваться типологией проектов организации экономического знания О.И. Ананьина, то политэкономия социализма с этой точки зрения представляла собой «„конструктивистский инженерно-экономический проект“... В основе таких проектов лежал инженерный тип знания, ориентированный не на познание существующего, а на конструирование новых объектов» (Ананьин, 2021. С. 38). Действительно, политэкономия социализма начиналась как «проект преобразования экономической реальности», а именно как экономическая теория построения социалистического общества. Поэтому характерными чертами советского политэкономического дискурса было преимущественное оперирование терминами из социалистического проекта («основное производственное отношение социализма» было одним из важнейших). Альтернативный подход, т. е. «попытка сначала разобраться в существующих реалиях, их сформулировать, а затем искать научно обоснованные решения выявленных проблем» (Кузнецова, 2005. С. 46), был представлен единично¹ и не поддерживался в среде советских политэкономов. Как заметили наши коллеги по этому поводу, «(Р)евизионизм» Кронрода... по отношению к «основному производственному отношению» социализма запрещался актуальной на тот момент структурой когнитивности советской политэкономии, а отнюдь не «ползучими сталинистами» из ЦК КПСС» (Нуреев, Ореховский, 2021. С. 194).

В этом контексте положение Н.Д. Кондратьева в популяции первых советских политэкономов было проблематичным. Как мы отмечали выше, он следовал иному «эмпирико-статистическому проекту экономической науки», очевидно не совпадавшему с доминирующим институциональным дискурсом зарождавшейся политической экономии социализма, реализующей «конструктивистский инженерно-экономический проект».

Это стало очевидным уже при обсуждении доклада Кондратьева «Большие циклы конъюнктуры» в феврале 1926 г. в Институте экономики РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук). Как отме-

¹ В данном случае Т. Е. Кузнецова имела в виду исследования Я. А. Кронрода и его единомышленников в 1960–1970-х гг. по изучению реального, а не проектируемого социализма в СССР. В 1920-е гг. аналогичные попытки предпринимал Н. Д. Кондратьев.

чает Макашева (1989. С. 14), критика этого доклада коллегами, как правило учеными-марксистами, не была достаточно конструктивной, «докладчик и его оппоненты ...говорили на разных языках». В частности, советское политэкономическое сообщество не было готово воспринять методы анализа динамики капиталистической экономики как обратимого процесса. Это очевидно противоречило базовым идеям разрабатываемого ими социалистического проекта.

В дальнейшем расхождения научных взглядов Кондратьева и общепринятого институционального политэкономического дискурса только усугублялись, что вылилось в дискуссиях по проекту первого пятилетнего плана. В 1926–1927-х гг. Кондратьев выступал с резкой критикой этого проекта, прежде всего задания в нем цифровых показателей. Он доказывал, что экономическая наука на тот период «не в состоянии дать надежный, выраженный количественно прогноз изменения множества экономических показателей на сколько-нибудь отдаленную перспективу. Поэтому перспективные планы могут содержать лишь самые общие ориентиры, характеризующие главные направления развития экономики» (Макашева, 1989. С. 17). По Кондратьеву, план должен был представлять собой не набор команд, спущенных сверху для достижения заданных целевых показателей, а набор перспектив, то есть основных направлений движения, например, подъем сельского хозяйства, рост производительности труда и др. Он полагал, что тогда планы станут «беднее и скромнее», но зато реальнее (Кондратьев, 1927. С. 6). Однако, чем активнее Кондратьев отстаивал свою позицию в публичных докладах, публикациях и на совещаниях, тем сильнее нарастала критика его позиции со стороны коллег-экономистов¹ (Макашева, 1989). Так, например, один из наиболее влиятельных экономистов того времени С.Г. Струмилин полагал отсутствие обязательных для выполнения адресных заданий (в проекте плана «по Кондратьеву») не только принципиальным недостатком, но «видел в этом закономерную для буржуазного ученого недооценку потенциала, заложенного в социалистической экономике» (Горина, 1999. С. 27).

Теперь рассмотрим экономическую теорию с позиций социетального уровня, т. е. общества (государства) в целом. При этом речь пойдет не столько о конкретном использовании достижений экономической теории в практике государственного управления (эти вопросы постоянно и весьма подробно исследуются во множестве работ), сколько о соотношении «концептуального ядра» экономической теории с содержанием и трендами осознаваемых национальных целей. Это соотношение, в конечном счете, определяет положение экономической теории в обществе, востребованность разрабатываемых экономических идей и перспективы их применения². «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» — это крылатое выражение В.И. Ленина вполне применимо и к экономической теории.

Начнем с экономической теории в «западном мире». Роль общественных запросов на формирование «продукта» экономистов-теоретиков хорошо иллюстрирует развитие неоклассической экономики, пережившей неоклассический синтез

¹ Боженова С. И. Экономические воззрения...

² Как пишет О. Б. Кошовец (2021. С. 9), «то экономическое знание, которое производится учеными (научными институциями), всегда оказывается неполным, каким бы высоким формально ни был его статус. Таким образом, чтобы быть востребованным, оно необходимо достраивается в рамках актуального взаимодействия с другими сферами, где оно в той или иной степени потребляется. Ключевой является сфера управления государством».

1940–1950-х гг. и новый неоклассический синтез 1990-х гг. (подробнее о них см.: Кирдина-Чэндлер, 2021). Оба синтеза продемонстрировали взаимосвязь изменений в экономической теории с изменениями национальных целей на социальном уровне.

Так, первый неоклассический синтез стал интеллектуальным ответом на Великую депрессию и означал внедрение в неоклассику идей Дж. М. Кейнса и др. авторов о необходимости государственных инвестиций и регулирования рыночной экономики с целью стимулирования спроса. Можно видеть, что изменения в теории соответствовали изменениям в экономической политике и целях общественного развития западных стран: в этот период здесь активно реализуется социальная концепция «государства всеобщего благосостояния» (*welfare state*), в котором государство (правительство) играет важнейшую роль в поддержании экономического и социального благополучия граждан.

Второй, или новый неоклассический синтез, стал ответом экономической теории на стагфляционные процессы 1970-х гг., когда депрессивное состояние экономики не удавалось улучшить с помощью эффективных ранее методов государственного («кейнсианского») регулирования. В экономической теории стал оформляться возврат к идее доминирования равновесного рынка, который более эффективно обеспечивает соответствие спроса и предложения и формирует цены, способные «расчищать» рынки. Для анализа и прогнозирования рыночных процессов были разработаны соответствующие макроэкономические (опирающиеся на микрооснования) динамические стохастические модели общего равновесия (*DSGE-models*). Новый неоклассический синтез в экономической теории сопровождался изменением векторов государственной социально-экономической политики западных стран. Речь идет прежде всего о «рейганомике» в США и «тэтчеризме» в Великобритании¹. Эта политика предполагала уменьшение регулятивной роли государства, сокращение государственного сектора и госрасходов, содействие активизации предпринимательства и частной инициативы.

Тренд на «взаимность» между экономической теорией и целями общественного развития наблюдается и в современном Китае. Особенность нынешних запросов к развитию теоретической политэкономии обусловлена изменением роли КНР в мире, возрастанием экономической и политической мощи, готовностью дать свой ответ на «новые вызовы эпохи» (Буров, 2020. С. 13). «Стремление Китая достигнуть уровня экономических лидеров ... связано с попытками расширить присутствие китайских концепций развития на мировой интеллектуальной сцене. Успехи экономических реформ порождают надежды на возможность повышения глобального авторитета китайских экономистов... <с тем, чтобы прервать> верховенство Запада на рынке интеллектуальных идей и общечеловеческих ценностей, ...чтобы взять в свои руки инициативу в объяснении китайской практики и в построении на ее основе собственной теории» (Борох, 2019. С. 30–31).

Очевидно, что подобная работа требует создания таких концепций и терминологии в китайской экономической теории, которые будут понятны международному научному сообществу. Поэтому овладение наследием и современными разработками «западных» экономистов являются сегодня уже не самоцелью или базой для обоснования направлений рыночных реформ, а рассматриваются скорее

¹ Неоконсервативная волна, с которой ассоциировались рейганомика и тэтчеризм, наблюдалась в этот период во многих развитых странах Запада.

как платформа для создания научного языка, на котором экономическая наука Китая сможет разговаривать с мировым экономическим сообществом. «Старый путь «заимствования канонов» на Западе уже исчерпан», — писал в 2018 г. профессор Шанхайского университета финансов и экономики Чэн Линь (цит. по: Борох, 2019. С. 34). Поэтому уточнение концептуального ядра современной политической экономии социализма с китайской спецификой сопровождается критическим переосмыслением не только уже почти мертвой для китайского научного сообщества «советской», но и ныне здравствующей «западной» исследовательских парадигм. Тот факт, что «(О)фициальная политика развития „общественных наук с китайской спецификой” придает большое значение повышению международного влияния китайских теоретических концепций» (Борох, Ломанов, 2020. С. 66) и рассматривает их как один из инструментов решения внешнеполитических задач страны, определяет задаваемые на социетальном уровне ориентиры развития экономической теории в современном Китае.

Вернемся в нашу страну в 1920–1930-е гг. (и в период научной деятельности Кондратьева), где также рассмотрим процесс социетальной адекватности экономической теории. Тогда встал аналогичный вопрос о том, какая политическая экономия социализма нужна новому советскому государству. К середине 1920-х гг. стало понятно, что рыночные механизмы НЭПа («новой экономической политики») не позволяют ускорить темпы индустриализации и перейти к необходимому для страны более интенсивному экономическому развитию. Поэтому в 1925 г. было принято решение усилить роль планового механизма¹. Именно в связи с подготовкой и обсуждением первого пятилетнего плана в 1926–1928-х гг. стали формироваться основные контуры политической экономии социализма.

Стало очевидно, что становление политэкономии в форме упомянутого выше «конструктивистского инженерно-экономического проекта» более адекватно национальным целям адресного строительства новой социалистической экономики и общества. Поэтому в известной борьбе сторонников телеологического подхода к планированию, или плана-задания (Г.М. Кржижановский, В.В. Куйбышев, С.Г. Струмилин и др.) и генетического подхода, или плана-прогноза (Н.Д. Кондратьев, В.А. Базаров, В.Г. Громан и др.) победили первые². Идеи трансформации экономики под заданные цели строительства социализма с жесткой системой заданий и ответственностью за их выполнение (то, что позже назовут административно-командной системой) обусловили формирование соответствующего жесткого концептуального ядра политической экономии социализма, сохранявшегося неизменным многие годы³. Внедренное — кстати, в ходе критики «плана Кондратьева» в 1925 г., — понятие о том, что социалистическое хозяйство есть «хозяйство субъективное» (Симонов, Фигуровская, 1994. С. 53) предопределило нормативный характер политической экономии социализма на тот период и долгие последующие годы.

¹ До этого Госплан СССР (ранее РСФСР), созданный в 1922 (1921) г., ограничивался в основном прогнозами, необходимыми для распределения государственных инвестиций.

² Если Струмилин писал, что план есть совокупность императивных заданий «архитектора» (Струмилин, 1927. С. 116), то критикующий его Кондратьев указывал, что «мы должны ставить в плане ...реальные перспективы, хотя бы они субъективно нас и не удовлетворяли» (Кондратьев, 1927а. С. 7).

³ Основные концептуальные положения политэкономии социализма были обобщены в известном учебнике 1953 г. «Политическая экономия» (под ред. К.В. Островитянова) в главах XXVI–XXXVIII.

Идеология

Мы придерживаемся определения, согласно которому идеология — это «система концептуально оформленных представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов»¹. Среди этих представлений — «нормативные представления о структуре общества, месте и действиях человека в ней и об отношениях людей как социальных субъектов друг к другу» (Кирдина, 2014. С. 184). Тем самым идеология санкционирует существующий порядок вещей или обосновывает необходимость общественных преобразований.

О взаимосвязях экономической теории и идеологии написано немало. Ссылки на классиков и современников, которые будут приведены ниже по данному вопросу, — свидетельство этого. Рассмотрим эти взаимосвязи на различных уровнях.

На индивидуальном уровне идеология понимается как совокупность ценностных индивидуальных установок экономиста-теоретика и (вольное или невольное) «внесение в экономические рассуждения определенной системы ценностей, определенного представления о социально-экономическом идеале, достижение которого выступает как цель экономического развития» (Агапова, 2002. С. 160). В свое время влияние идеологических воззрений экономистов на создаваемые ими научные теории подробно исследовал Йозеф Шумпетер. Он указал на особенности экономистов (в отличие, например, от физиков и представителей других естественных наук) приносить в свои исследования «личные системы ценностей и политические взгляды — все свои этические воззрения, вплоть до религиозных устремлений» (Шумпетер, 2012. С. 249). Они формируют видение, или интуицию исследователя (Шумпетер, 2012. С. 253) по поводу изучаемого объекта. Как в этой связи отмечал Сэмюэлс (1981. С. 667), «...идеология предлагает вопросы и гипотезы для изучения, служит как система фильтров, регулирующая формирование и эволюцию идей и направление мысли, и ориентирует сам процесс исследования».

Для экономистов-теоретиков роль идеологии особенно важна, поскольку они работают «в сфере общих представлений об экономическом процессе как таковом» (Шумпетер, 2012. С. 261), в отличие, например, от тех экономистов, кто занят исключительно прикладной аналитической работой. Поэтому «идеологическая предвзятость» (*ideological bias*) чаще заметна в экономических теориях, что Шумпетер показал на примере теорий А. Смита, К. Маркса и Дж. М. Кейнса². Более того, Шумпетер выразил твердое убеждение, «что та или иная идеология всегда будет с нами» (Там же. С. 264).

Современные экономисты разделяют позицию Шумпетера о том, что «хотя идеология может тормозить научное исследование, обойтись без нее невозможно» (Полтерович, 2017. С. 56), и аргументом служит специфика самого объекта исследования экономистов-теоретиков. Так, В.М. Полтерович (2017. С. 57) пишет, что «сложность общественных систем, их изменчивость и невозможность (за исключением редких ситуаций) проведения лабораторных экспериментов приводят к тому, что общие концепции, претендующие на объяснение реальности

¹ Новая философская энциклопедия: в 4-х т. Том 2. М.: Мысль, 2001. С. 81.

² Поэтому можно говорить, например, о «кейнсианской экономической идеологии», «марксистской экономической идеологии» и др. (Орехов, Ахмедов, 2013. С. 92).

и на практическую значимость, вынуждены опираться на идеологию <исследователя — С. К.-Ч.>. Идеология скрепляет «научно установленные» факты, организуя их в единое целое, представляющее собой философское осмысление рассматриваемых проблем. Чем большее число таких фактов удастся объединить в рамках той или иной идеологической установки, тем большее доверие вызывают предположения, фактически лежащие в ее основе»¹.

Признание необходимости идеологии для экономистов не отменяет, однако, рисков «идеологической предвзятости»², поэтому сохраняется предположение о том, что «изначальная политическая ориентация экономиста диктует ему выбор «собственно экономической идеологии..., того или иного конкретного экономического учения» (Орехов, Ахмедов, 2013. С. 92). Насколько это справедливо в отношении экономиста Н.Д. Кондратьева, наследию которого посвящен настоящий выпуск журнала?

Для того, чтобы представить идейно-политические предпочтения Кондратьева, обратимся к фактам его биографии. Известно, что Кондратьев был активным членом партии социалистов-революционеров («партии эсеров»), в которую вступил в 13 лет. Эта партия была крупнейшей немарксистской социалистической партией Российской империи (позже Российской республики и РСФСР) и развивала идеи демократического социализма³ и мирного перехода к нему. Причем начало социализма эсеры предполагали в деревне, а почвой для него должна была стать социализация земли.

Кондратьев активно участвовал в различных партийных мероприятиях (за что дважды был арестован царским правительством), избирался делегатом партийных съездов, в третьем Временном правительстве (которое возглавлял эсер А.Ф. Керенский) он работал товарищем министра продовольствия, а в ноябре 1917 г. по списку партии эсеров был избран депутатом Всероссийского Учредительного собрания. Лишь в 1919 г., когда эсеры фактически перешли в оппозицию к партии большевиков, Кондратьев вышел из партии и сконцентрировался на научной работе.

Влияние идей партии, в рядах которой Кондратьев провел 13 лет, прослеживается в его идеологических представлениях (что можно видеть по сохранившимся письмам и текстам). Первая их черта: ему были чужды идеи революционных преобразований. Вторая особенность программы партии эсеров, которая также нашла отражение, на наш взгляд, во взглядах Кондратьева, состояла в терпимости к различным взглядам, свободе течений и мнений⁴, и он следовал этим идеалам свободного выражения своей позиции, даже когда «понимал всю остроту ситуации и вероятные последствия для себя лично» (Макашева, 1989. С. 17). Третья особенность

¹ Наша позиция по этому вопросу несколько иная. Она заключается в обосновании, предъявлении и применении методологических программ исследований, минимизирующих воздействие идеологии и иных субъективных предпочтений на результаты экономического теоретизирования.

² В недавней интернет-публикации представлено 14 типов *ideological bias*, характерных для современного политико-экономического спектра (Mastrine, 2020).

³ Эсеры выступали за хозяйственную и политическую демократию, в которой профсоюзы представляют собой организации производителей, кооперативы — организации потребителей, а парламент и органы самоуправления — организации граждан.

⁴ Как известно, среди эсеров были и левые, и правые, и «центровики», и даже боевая (по сути, террористическая) организация, совершившая ряд покушений на представителей власти.

была связана с особым отношением к крестьянскому классу и сельскому хозяйству как важнейшей общественной сфере, без поддержки и развития которой существование и процветание России представлялось немислимым.

Как сказались эти ценностные установки в экономических исследованиях Кондратьева? Мы можем увидеть их «след» в его позиции при подготовке перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства СССР в 1923–25-е гг. и при обсуждении первого пятилетнего плана развития народного хозяйства в 1926–1927-е гг. В отличие от ряда коллег-экономистов, которые придерживались преобразовательной стратегии и телеологического подхода, Кондратьев предлагал путь постепенных «эволюционных» преобразований с учетом реальных возможностей страны. Другая его отличительная особенность состояла в особом внимании к вопросам сельского строительства и неприятию идеи проведения ускоренной индустриализации за счет фактической эксплуатации крестьянского аграрного хозяйства. Третьим пунктом, в котором сказались идеологические ценностные предпочтения Кондратьева, стало его отношение к организации сельскохозяйственного труда. Он отстаивал идею добровольной и постепенной кооперации как основной формы перехода от индивидуального к коллективному труду. «Публикация материалов «сельскохозяйственной пятилетки Кондратьева» вызвала многочисленные отклики, в том числе и резко критического характера. ... впоследствии позиция Н.Д. Кондратьева по вопросам сельского строительства стала одним из главных пунктов обвинения» (Макашева, 1989. С. 15) ученого в антисоветской деятельности. А идеологические предпочтения великого экономиста были заклеены расхожим термином «кондратьевщина», что стало очевидным маркером расхождения его установок с доминировавшими идейными воззрениями того периода.

От индивидуального уровня рассмотрения перейдем к анализу связей идеологии с развитием экономической теории на институционально-групповом уровне.

Как уже было отмечено, различные сообщества (популяции) экономистов объединены общим дискурсом, системами понятий, которые они используют, определенным языком и однозначно трактуемым контекстом. Но, кроме этого, их объединяют «системы теоретических ценностей, принятых в качестве исходных и фундаментальных оснований данной науки. ... При отсутствии же такого единства наука распадается на противоречивые толкования одних и тех же явлений» (Мамедов, 2014. С. 10). Такие системы теоретических ценностей, присущих определенным сообществам экономистов, характеризуют их общие идеологические основания, поэтому их даже называют «экономическими идеологиями». Экономическая идеология «представляет собой более или менее упорядоченный взгляд на экономику, системное мировоззрение, в котором сплетаются познавательные, нормативные и символические элементы. Экономическая идеология включает в себя особые представления о ценностях, об общественно-экономическом идеале (например, об экономической свободе, материальном равенстве, трудовой солидарности). ... Экономическая идеология, как правило, выступает в форме программ, проектов деятельности в разных областях хозяйства. В них находят выражение определенные цели, направления и способы их реализации» (Самсин, 2003. С. 215).

Целостность экономических идеологий поддерживается господствующей методологией. Как любая общественная идеология определенным образом нормирует поведение членов соответствующего общества, так и доминирующая методоло-

гия нормирует исследовательские практики экономистов-теоретиков, принадлежащих к «родной для них» популяции. Не случайно именно в ходе методологических дискуссий наиболее отчетливо проступает разделение на «своих» и «чужих», определяются границы (*frontiers*) экономического сообщества и тестируется уровень единства в понимании основных присущих ему ценностей.

Важной характеристикой экономических идеологий является также образ экономического будущего (Ананьин, 2005. С. 210). Он служит своего рода системообразующим каркасом, задает топологию явлений и связей, которые представители той или иной экономической идеологии (экономического сообщества) определяют своим исследовательским объектом. «Например, согласно Й. Шумпетеру, исходной предпосылкой кейнсианской экономической идеологии стал взгляд на капитализм как на стагнирующую экономическую систему, которую необходимо периодически «приводить в порядок» государственным интервенционизмом» (Орехов, Ахмедов, 2013. С. 93). В своем анализе теории Кейнса Шумпетер показал, что «именно идеология — видение приходящего в упадок капитализма, которое определяло (видело) причину упадка в одной из множества особенностей современного капитализма, и одерживала победу» (Шумпетер, 2012. С. 260) в дискуссиях Кейнса с коллегами-экономистами. По мнению Шумпетера, успех знаменитой книги Кейнса 1936 г. и кейнсианства в целом в решающей степени был определен тем, что это соответствовало образу будущего капитализма, который разделяли многие экономисты того времени.

Современная политическая экономия социализма в Китае объединяется вокруг своего образа будущего — «социализма с китайской спецификой». При этом марксизм «в советском исполнении» был китайскими учеными и политиками отвергнут, и происходит, как мы уже отмечали, «китаизация марксизма». И хотя сама политическая экономия социализма с китайской спецификой еще не создана¹, направления ее разработки следуют устремлениям к заявленному будущему.

Если мы обратимся к политической экономии социализма советского периода, то таким объединяющим образом, как отмечено выше, было будущее социалистическое общество «по Марксу» («кооперативный социализм» Кондратьева такому идеалу не соответствовал), поэтому объединяющей методологией был марксизм.

Наконец, перейдем к анализу взаимосвязи идеологии и экономической теории на социетальном уровне². Прежде всего, обратим внимание на ее диалектический характер. С одной стороны, можно говорить об общественной идеологии, с точки зрения которой те или иные экономические теории представляются более или менее подходящими в тот или иной период времени. С другой стороны, сама экономическая теория, как показывает история, может претендовать на роль

¹ Сами китайские ученые признают, что имеется скорее «строительный материал» для построения такого рода экономической теории. Некоторый консенсус достигнут относительно предмета — исследование «производственных отношений социализма и производительных сил социализма с китайской спецификой», а также в отношении главенства общественной собственности при «мирном сосуществовании» различных форм собственности. Однако споры по поводу «основной линии» новой науки продолжаются и «общепризнанная политэкономия социализма с китайской спецификой еще не написана» (Борх, 2020. С. 36).

² На социетальном уровне «идеология стремится дать непротиворечивое и всеобъемлющее объяснение устройства мира и общества, создать поведенческий норматив» (Вольнский, 2021. С.502) для всех членов общества, в том числе и в сфере экономики и экономического теоретизирования.

социальной идеологии¹. Связь идеологии и экономической теории выражается также в функции идеологии оправдывать, подтверждать «режимы неравенства» (*inequality regimes*), принятые в том или ином обществе, легитимизировать справедливость более высокого экономического статуса определенных социальных групп (Piketty, 2020. Part 1).

Для примера вновь обратимся сначала к неоклассической теории «западного мира». Вот как о необходимости экономистов-теоретиков следовать общественной идеологии «институционального рыночного фундаментализма» (термин Стиглица²) пишет известный неолиберальный экономист из США Дэни Родрик: «Восхваление рынков в публичных дебатах сегодня стало почти профессиональным долгом. Поэтому мнения экономистов, выражаемые на публике, могут радикально отличаться от мнений, выражаемых на семинарах... Академическая репутация нередко строится на демонстрации новых ...провалов рынка. Но на публике тенденция состоит в том, чтобы сомкнуть ряды и поддержать свободные рынки и свободную торговлю. ...Те, кто хочет ограничить рынки — организованные лоббисты, братки, ищущие ренту, и им подобные. А те, кто ратует за более свободные рынки, даже если они ошибаются, имеют добрые намерения и поэтому гораздо менее опасны» (Rodrik, 2017. P. 94. Цит. по: Полтерович, 2017. С. 61–62).

Однако, будучи зависимой от общественной идеологии западных стран, неоклассическая экономическая теория одновременно упрочивает ее. Как отмечал в этой связи бразильский гетеродоксальный экономист Луис Карлос Брессер-Перейра (Bresser-Pereira, 2010. С. 499), «неоклассическая экономическая теория играет роль мета-идеологии, математически и «научно» легитимизируя неолиберальную идеологию». Причем эта связь имеет генетический характер. В своей книге «Утопический капитализм. История идеи рынка» Пьер Розанваллон (2007) анализирует возникновение и развитие европейской социальной и политической мысли во взаимосвязи с развертыванием идеи рынка. Он утверждает, что созданная в XVIII веке утопическая идея рынка «до сих является одной из основ современного либерального мировоззрения». Одновременно эта идеология поддерживает социальное неравенство в пользу «капиталистического класса», что подробно показано в недавней монографии французского экономиста Тома Пикетти (Piketty, 2021).

В Китае мы также можем наблюдать давление общественной идеологии по отношению к экономической теории и самим экономистам-теоретикам. Характерным примером была политика идеологических гонений на ученых во времена Культурной революции, когда во главе Китая фактически стояла так называемая «Банда четырех» (1966–1976-е гг.). «Они первыми заговорили о принципиальной реакционности ученых. ...Ученых обвиняли в отсутствии веры в партию, нежелании посвятить себя делу социализма и в том, что многие получили образование

¹ Как правило, в этом случае неизбежны процессы упрощения и вульгаризации экономической теории, поскольку она должна стать «элементом пропаганды и агитации», ... быть доступной, легко внедряться в массовое сознание..., быть популярной .. в двух-трех фразах для непонимающего избирателя.... Ленинско-сталинская идеология Советской России или маоистская идеология Китая — классические примеры вульгаризации и искажения классического марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса» (Орехов, Ахмедов, 2013. С. 92) в ходе социетального идеологического запроса.

² См., например, выступление Джозефа Стиглица 20 октября 2008 г. в Университете Нью-Йорка, штата Нью-Йорк. URL: https://www.youtube.com/watch?v=x_2-Tv2GPs0 (дата обращения: 08.10.2021).

на Западе и в СССР, который китайские коммунисты в 60-е годы считали слишком ревизионистским»¹ (Воронин, 2021). В современном Китае также имеют место факты подобного рода, хотя в весьма смягченной форме. Так, ряд ученых не разделяют официально закрепленную в общественной идеологии модель социализма, среди которых есть определенная часть старых коммунистов. Их точку зрения «выражал журнал «Яньхуанчуньцзю», в котором публиковались статьи по теоретическим, политическим и историческим вопросам, не совпадавшие с господствующей идеологической линией. Два года назад <в 2018 г. — С. К.-Ч.> редакция журнала была заменена, и теперь её публикации находятся в русле официальной идеологии» (Буров, 2020. С. 11).

История советской политической экономики также была подвержена влиянию официальной общественной идеологии, поэтому ее часто называли «идеологизированной» и «огосударственной» (Мамедов, 2014. С. 9). Читателям нашего журнала это, скорее всего, хорошо известно, поэтому вряд ли имеет смысл говорить об этом подробно. Обратим лишь внимание на одно (не единственное) столкновение позиции Кондратьева с современным ему официальным идеологическим каноном 1920–30-х гг. На социетальном уровне речь шла об идеях строительства социалистического общества, в авангарде которого был рабочий класс. Поэтому официальная идеология (следуя обычной функции идеологий легитимизировать *inequality regime*) закрепляла привилегированное социально-экономическое положение именно данного класса. На этом фоне идеи Кондратьева о не менее значимой роли крестьянства, обусловленные необходимостью проведения в стране не только промышленной индустриализации, но и сельскохозяйственного строительства, были интерпретированы как экстремальные, бросающие вызов официальной идеологии. «Высказанная Н. Д. Кондратьевым точка зрения была названа «манифестом кулацкой партии», а позже сам он был объявлен вождем ...целой школы, ... «превратившейся» уже в «трудовую крестьянскую партию». Деятельность этой «партии» рассматривалась в связи с «правым уклоном» в ВКП(б), соответственно и борьба с ней была частью борьбы с этим уклоном, борьбы, которая становилась в этот период все более непримиримой» (Макашева, 1989. С. 18).

Закончим данный раздел философским высказыванием известного институционалиста из США Дугласа Норта: «Идеологическая конформность до сих пор является важным фактором, снижающим стоимость поддержания порядка. Однако это преимущество оборачивается дополнительными социальными издержками, связанными с сопротивлением институциональным изменениям, преследованием отклоняющихся личностей и служащими источником бесконечного конфликта между людьми в ходе столкновения конкурирующих религий» (Норт, 2010. С. 70), и, дополним, экономических теорий и идеологий.

Выводы

Основная цель исследования состояла в изучении структуры взаимосвязей экономической теории и идеологии на индивидуальном, институционально-групповом и социетальном уровнях. Использованный многоуровневый подход был дополнен сравнительным *case study* анализом. Исследуемые кейсы — доминирующая в «западном мире» неоклассическая экономическая теория, «политическая эконо-

¹ Воронин А. Китай возвращает уехавших ученых, и что делает Россия? // Русская служба Би-би-си. 2021. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-58966676> (дата обращения: 27.10.2021).

мия с китайской спецификой» в КНР и политическая экономия социализма в раннем СССР. Комбинированная методология включала также элементы биографического метода, то есть анализ трудов и фактов биографии российского (советского) экономиста Н.Д. Кондратьева.

Выявлено, что и в «западном мире», и в КНР, и в России (периода СССР) взаимосвязи между развитием экономической теории, идеологии и национальными экономическими интересами имеют идентичный характер. Это позволяет предположить, что эти связи скорее закономерны, чем специфичны (специфика состоит лишь в силе и остроте проявления этих связей). Можно говорить о следующих закономерностях. Во-первых, фактором успешного распространения экономических концепций является их релевантность институционально-групповому дискурсу и запросам социетального уровня. Во-вторых, фактором успеха является также соответствие этих концепций идеологическим представлениям, доминирующим на каждом из этих уровней.

Последствия рассогласований экономических концепций — как с идеологическим «внутренним» и «внешним» контекстом, так и в ходе «межуровневых коллизий» в самой экономической теории, — могут иметь катастрофический характер для отдельных экономистов-теоретиков. Это демонстрирует трагический пример Н.Д. Кондратьева, который, видимо, работал «не в том месте и не в то время»¹. Последствия отмеченных рассогласований могут быть негативными также и для развития экономической теории на институционально-групповом уровне, сдерживая ее возможности давать «ясные ответы на вызовы» практики.

Экономические интересы государства являются, пожалуй, наиболее мощным фактором, способным изменить вектор развития разрабатываемых в них экономических теорий. Справедливость этого тезиса по отношению к неоклассической экономической теории подтверждает, например, нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц. «Если Соединенные Штаты собираются преуспеть в реформировании своей экономики, им, возможно, придется начать с реформирования экономической теории» (Stiglitz, 2010. Р. 241). Об этом свидетельствует также опыт современного Китая с его запросом на оригинальную политическую экономию социализма с китайской спецификой, адекватную его возрастающему экономическому и политическому влиянию в мире. Надеемся, что и в России, где «экономическая теория сегодня находится в ожидании обновления»², проявленные национальные экономические интересы также будут способствовать ее развитию.

Список источников

- Агапова И. И. Экономика и этика: аспекты взаимодействия. М.: Юристъ, 2002. 189 с.
- Ананьин О. И. Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ. М.: Наука; Институт экономики, 2005. 244 с.
- Ананьин О. И. Генезис экономической науки: историко-научный контекст: Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2021. 52 с.
- Ачилова Е. Н. Экономический дискурс как разновидность институционального: квалификация и структура // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 3(32). С. 94–96.

¹ Так, идеи Н. Д. Кондратьева во время его жизни были востребованы за пределами страны в «западном мире», а в нашей стране они нашли сторонников после 1980-х гг.

² Гринберг Р. С. «У экономики нет общего понимания реальности». Интервью газете «Коммерсантъ» 11 декабря 2021 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5127400> (дата обращения: 11.10.2021).

Бианкина А. О., Лясников Н. В. Научное наследие Н. Кондратьева как основа прогнозирования постиндустриальной экономической динамики // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. С. 170–180.

Борох О. Н. Влияние идеологии и политики на современную экономическую науку в Китае // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 10. С. 30–41.

Борох О., Ломанов А. В. Китайский путь реформ в условиях глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 6. С. 66–75. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-66-75.

Буров В. Г. Новые тенденции в китайской идеологии после XVIII съезда КПК // Азия и Африка сегодня. 2020. № 10. С. 4–13. DOI: <https://doi.org/10.31857/S032150750011105-7>.

Ван Лань, Чжао Инин Связь между китаизацией марксизма и модернизацией Китая // Реформа и открытость. 2010. № 3. С. 16–17.

Виноградов А. В. Китайская модернизация в сравнительной перспективе // Сравнительная политика. 2010. Т. 1, № 1. С. 104–120. DOI: <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2010-1-1-104-120>

Волынский А. И. Комплементарные экономические институты и идеологии: есть ли связь? // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18, № 4. С. 497–511. DOI: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-4.2>.

Горина А. П. Влияние научного наследия Н. Д. Кондратьева на теорию и практику планирования и государственного регулирования // Вестник Мордовского университета. 1999. № 1/2. С. 24–27.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. 3-е изд. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с.

Кирдина-Чэндлер С. Г. Парадоксы синтеза в экономической теории // Terra Economicus. 2021. Т. 19, № 3. С. 37–52. DOI: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-3-37-52>.

Кирдина С. Г. Преодолевая ограничения методологического индивидуализма // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С. 100–110.

Кондратьев Н. Д. План и предвиденье: к вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства и сельского хозяйства в частности // Пути развития сельского хозяйства. 1927. № 2. С. 3–36.

Кондратьев Н. Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1927а. № 4. С. 1–33.

Кошовец О. Б. Измерять и править: как наука и государство производят экономические знания // Terra Economicus. 2021. Т. 19, № 3. С. 6–19. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-3-6-19.

Кузнецова Т. Е. К истории Института экономики РАН (АН СССР): домьслы и реалии. М.: Институт экономики РАН, 2005. 68 с.

Макашева Н. А. Н. Д. Кондратьев. Биографический очерк // Н. Д. Кондратьев. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 6–20.

Макашева Н. А. Когда история вторгается в науку: к 125-летию со дня рождения Н. Д. Кондратьева // Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности / Под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, В. М. Бондаренко. М.: Учитель, 2017. С. 48–60.

Мамедов О. Ю. Экономическая теория нужна. Всем. Кроме экономистов? // Terra Economicus. 2014. Т. 12, № 3. С. 8–14.

Некителов А. Д. «Новый прагматизм» профессора Г. Колодко: Альтернатива или дополнение чистой экономической теории? // Вопросы теоретической экономики. 2017. № 1(1). С. 22–39.

Норт Д. Понимание процесса экономических изменений : пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. 256 с.

Нуреев Р. М., Ореховский П. А. Дискуссии вокруг основного производственного отношения в политэкономии социализма: когнитивный тупик 1970-х // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18, № 2. С. 185–196. DOI: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-2.2>.

Олейник А. Н. О возможных методологических основаниях прагматической экономической теории: Т. Байес и Дж. Дьюи // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 3. С. 34–51.

Орехов А. М., Ахмедов Ф. Н. Экономическая идеология: опыт интерпретации // Социум и власть. 2013. № 6(44). С. 90–95.

Полтерович В. М. Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология // Вопросы теоретической экономики. 2017. № 1. С. 55–65.

Розанваллон П. Утопический капитализм: История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 266 с.

Рубинштейн А. Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики. 2008. № 11. С. 62–80. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-11-62-80>.

Самсин А. И. Основы философии экономики: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 271 с.

Симонов В. В., Фигуровская Н. К. Экономика здравого смысла. Штрихи к портрету Н. Д. Кондратьева // Вестник Академии наук СССР. 1994. № 4. С. 46–58.

Струмилин С. Г. К теории планирования // Плановое хозяйство. 1927. № 11. С. 115–133.

Сэмюэлс У. Идеология в экономическом анализе // Современная экономическая мысль / Под ред. С. Вайнтрауба. М.: Прогресс, 1981. С. 661–682.

Худокормов А. Г., Нелюбина А. С. и др. Новые штудии по современной экономической теории Запада // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2018. Т. 10, № 1. С. 7–73. DOI: <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2018-10-1-7-73>.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.

Шумпетер Й. Наука и идеология // Философия экономики: Антология. М.: Изд. Института Гайдара, 2012. С. 247–264.

Bresser-Pereira L. C. The global financial crisis and a new capitalism? // Journal of Post Keynesian Economics. 2010. Vol. 32, No. 4. P. 499–534.

Jackson W. A. Culture, society and economic theory // Review of Political Economy. 1993. Vol. 5, No. 4. P. 453–469. DOI: <https://doi.org/10.1080/09538259300000031>.

Madra Y. M. Late Neoclassical Economics: The restoration of theoretical humanism in contemporary economic theory. London: Routledge, 2017. 218 p.

Mastrine J. Beyond Left vs Right: 14 Types of Ideological Bias // AllSides. 2020. URL: <https://www.allsides.com/blog/beyond-left-vs-right-14-types-ideological-bias> (дата обращения: 07.11.2021).

Nabi N. The Western Economic Thought and its Response from the Muslim World: An Over view // International Journal of Science & Research. 2015. Vol. 4, No. 3. P. 416–426.

Piketty T. Capital and Ideology. Trans. Arthur Goldhammer. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2020. 1104 p.

Rodrik D. Economics Rules. The Rights and Wrongs of the Dismal Science. New York; London: W. W. Norton & Company, 2015. 272 p.

Schumpeter J. Science and ideology // American Economic Review. 1949. Vol. 39. P. 345–359.

Stiglitz J. Freefall. America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy. New York: W. W. Norton & Company, 2010. 480 p.

References

Achilova, E. N. (2009). Ekonomicheskiy diskurs kak raznovidnost' institutsional'nogo: kvalifikatsiya i struktura [Economic discourse as variety the institutionall discourse: qualification and structure]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii [Cultural Studies of Russian South]*, 3(32), 94–96. (In Russ.)

Agapova, I. I. (2002). *Ekonomika i etika: aspekty vzaimodeystviya [Economics and Ethics: aspects of interaction]*. Moscow, Russia: Yurist, 189. (In Russ.)

Ananyin, O. I. (2005). Struktura ekonomiko-teoreticheskogo znaniya: metodologicheskii analiz [Structure of economic and theoretical knowledge: methodological analysis]. Moscow, Russia: Nauka; Institut ekonomiki, 244. (In Russ.)

Ananyin, O. I. (2021). *Genezis ekonomicheskoy nauki: istoriko-nauchnyy kontekst: Doklad [The genesis of economic science contextualised in the history of science: report]*. Moscow, Russia: Institute of Economics of the RAS, 52. (In Russ.)

Biankina, A. O. & Lyasnikov, N. V. (2018). Nauchnoe nasledie N. Kondrat'eva kak osnova prognozirovaniya postindustrial'noy ekonomicheskoy dinamiki [N. Kondratiev's scientific heritage as a basis for forecasting the global economic trends of the 21st century]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik [E-journal public administration]*, 67, 170-180. (In Russ.)

Borokh, O. & Lomanov, A. V. (2020). Kitayskiy put' reform v usloviyakh globalizatsii [China's path of reform under conditions of globalization]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]*, 64(6), 66-75. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-66-75. (In Russ.)

Borokh, O. N. (2019). Vliyanie ideologii i politiki na sovremennuyu ekonomicheskuyu nauku v Kitae [The impact of ideology and politics upon modern economics in China]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]*, 63(10), 30-41. (In Russ.)

Bresser-Pereira, L. C. (2010). The global financial crisis and a new capitalism? *Journal of Post Keynesian Economics*, 32(4), 499-534.

Burov, V. G. (2020). Novye tendentsii v kitayskoy ideologii posle XVIII s'ezda KPK [New trends in Chinese ideology after the 18th Congress of the CPC]. *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]*, 10, 4-13. DOI: <https://doi.org/10.31857/S032150750011105-7>. (In Russ.)

Gorina, A. P. (1999). Vliyanie nauchnogo naslediya N. D. Kondrat'eva na teoriyu i praktiku planirovaniya i gosudarstvennogo regulirovaniya [The influence of N. D. Kondratiev's scientific heritage on the theory and practice of planning and state regulation]. *Vestnik Mordovskogo universiteta [Mordovia University Bulletin]*, 1/2, 24-27. (In Russ.)

Jackson, W. A. (1993). Culture, society and economic theory. *Review of Political Economy*, 5(4), 453-469. DOI: <https://doi.org/10.1080/09538259300000031>.

Karasik, V. I. (2002). *Yazykovyy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]*. Volgograd, Russia: Peremena, 477. (In Russ.)

Khudokormov, A. G., Nelyubina, A. S. et al. (2018). Novye shtudii po sovremennoy ekonomicheskoy teorii Zapada [New studies on modern Economic Theory of the West]. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyy zhurnal [Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal]*, 10(1), 7-73. DOI: <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2018-10-1-7-73>. (In Russ.)

Kirdina, S. G. (2013). Preodolevaya ogranicheniya metodologicheskogo individualizma [Overcoming the limitations of methodological individualism]. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 4, 100-110. (In Russ.)

Kirdina, S. G. (2014). *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii. Vvedenie v Kh-Y-teoriyu [Institutional Matrices and Development in Russia. An introduction to X&Y theory]*. 3rd Edition. Moscow; St Petersburg, Russia: Nestor-Istoriya, 468. (In Russ.)

Kirdina-Chandler, S. G. (2021). Paradoksy sinteza v ekonomicheskoy teorii [Paradoxes of synthesis in economics]. *Terra Economicus*, 19(3), 37-52. DOI: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-3-37-52>. (In Russ.)

Kondratiev, N. D. (1927). Plan i predviden'ye: K voprosu o metodakh sostavlenniya perspektivnykh planov razvitiya narodnogo khozyaystva i sel'skogo khozyaystva v chastnosti [Plan and foresight: On the question of methods of drawing up long-term plans for the development of the national economy and agriculture in particular]. *Puti razvitiya sel'skogo khozyaystva [Ways of agricultural development]*, 2, 3-36. (In Russ.)

Kondratiev, N. D. (1927a). Kriticheskie zametki o plane razvitiya narodnogo khozyaystva [Critical notes on the national economy development plan]. *Planovoe khozyaystvo [Planned economy]*, 4, 1-33. (In Russ.)

Koshovets, O. B. (2021). Izmeryat' i pravit': kak nauka i gosudarstvo proizvodyat ekonomicheskie znaniya [Measure and rule: How science and government produce economic knowledge]. *Terra Economicus*, 19(3), 6-19. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-3-6-19. (In Russ.)

Kuznetsova, T. E. (2005). *K istorii Instituta ekonomiki RAN (AN SSSR): domysly i realii [On the History of the Institute of Economics of the RAS (USSR Academy of Sciences): Conjectures and realities]*. Moscow, Russia: Institute of Economics of the RAS, 68. (In Russ.)

Madra, Y. M. (2017). *Late Neoclassical Economics: The restoration of theoretical humanism in contemporary economic theory*. London: Routledge, 218.

Makasheva, N. A. (1989). N. D. Kondratiev. Biograficheskiy ocherk [N. D. Kondratiev. Biographical sketch]. *N. D. Kondratiev. Problemy ekonomicheskoy dinamiki* [N. D. Kondratiev. Problems of economic dynamics]. Moscow, Russia: Ekonomika, 6-20. (In Russ.)

Makasheva, N. A. (2017). *Kogda istoriya vtorgaetsya v nauku: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya N. D. Kondrat'eva* [When history invades science: to the 125th anniversary of the birth of N. D. Kondratiev]. *N. D. Kondratiev: krizisy i prognozy v svete teorii dlinnykh voln. Vzgl'yad iz sovremennosti* [N. D. Kondratiev: crises and forecasts in the light of the theory of long waves. A look from modernity]. In L. E. Grinin, A. V. Korotaev, V. M. Bondarenko (Eds.). Moscow, Russia: Uchitel', 48-60. (In Russ.)

Mamedov, O. Yu. (2014). Ekonomicheskaya teoriya nuzhna. Vsem. Krome ekonomistov? [Everyone needs economic theory. Everyone. Except from economists?]. *Terra Economicus*, 12(3), 8-14. (In Russ.)

Mastrine, J. (2020). Beyond Left vs Right: 14 Types of Ideological Bias. *AllSides*. Retrieved from: <https://www.allsides.com/blog/beyond-left-vs-right-14-types-ideological-bias> (Date of access: 07.11.2021).

Nabi, N. (2015). The Western Economic Thought and its Response from the Muslim World: An Overview. *International Journal of Science & Research*, 4(3), 416-426.

Nekipelov, A. D. (2017). "Novyy pragmatizm" professora G. Kolodko: Al'ternativa ili dopolnenie chistoy ekonomicheskoy teorii? ["New pragmatism" of professor G. Kolodko: alternative or addition to pure economic theory?]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Theoretical Economics], 1(1), 22-39. (In Russ.)

North, D. (2010). *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmeneniy* [Understanding the process of Economic change]. Translated by K. Martynov, N. Edel'man. Moscow, Russia: Publishing House of HSE, 256. (In Russ.)

Nureev, R. M. & Orekhovskiy, P. A. (2021). Diskussii vokrug osnovnogo proizvodstvennogo otnosheniya v politekonomii sotsializma: kognitivnyy tupik 1970-kh [Debates around the Basic Production Relationship in Political Economy of Socialism: The Cognitive Deadlock in the 1970s]. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 18(2), 185-196. DOI: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-2.2>. (In Russ.)

Oleinik, A. N. (2021). O vozmozhnykh metodologicheskikh osnovaniyakh pragmaticheskoy ekonomicheskoy teorii: T. Bayes i Dzh. D'yuji [On possible methodological foundations of pragmatic economic theory: T. Bayes and J. Dewey]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Theoretical Economics], 3, 34-51. (In Russ.)

Orekhov, A. M. & Akhmedov, F. N. (2013). Ekonomicheskaya ideologiya: opyt interpretatsii [Economic ideology: the experience of interpretation]. *Sotsium i vlast'* [Society and Power], 6(44), 90-95. (In Russ.)

Piketty, T. (2020). *Capital and Ideology*. Trans. Arthur Goldhammer. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1104.

Polterovich, V. M. (2017). Razrabotka strategiy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: nauka vs ideologiya. [Designing the strategies for socio-economic development: science VS. Ideology]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Theoretical Economics], 1, 55-65. (In Russ.)

Rodrik, D. (2015). *Economics Rules. The Rights and Wrongs of the Dismal Science*. New York; London: W.W. Norton & Company, 272.

Rozevallon, P. (2007). *Utopicheskiy kapitalizm: Istoriya idei rynka* [Utopian capitalism: The History of the idea of the market]. Moscow, Russia: Novoe literaturnoe obozrenie, 266. (In Russ.)

Rubinshtein, A. (2008). Dilemmy ekonomista-teoretika [Dilemmas of an Economic Theorist]. *Voprosy ekonomiki*, 11, 62-80. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-11-62-80>. (In Russ.)

Samsin, A. I. (2003). *Osnovy filosofii ekonomiki* [Fundamentals of the Philosophy of Economics]. Study guide. Moscow, Russia: YuNITI-DANA, 271. (In Russ.)

Schumpeter, J. (1949). Science and ideology. *American Economic Review*, 39, 345-359.

Schumpeter, J. (2012). Nauka i ideologiya [Science and ideology]. *Filosofiya ekonomiki: Antologiya [Philosophy of Economics. An anthology]*. Moscow, Russia: Publishing House of Gaidar institution, 247-264. (In Russ.)

Semyuels, U. (1981). Ideologiya v ekonomicheskom analize [Ideology in Economic Analysis]. *Sovremennaya ekonomicheskaya mysl' [Modern Economic Thought]*. In S. Weintraub (Eds.) Moscow, Russia: Progress, 661-682. (In Russ.)

Sheygal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]*. Volgograd: Peremena, 368. (In Russ.)

Simonov, V. V. & Figurovskaya, N. K. (1994). Ekonomika zdravogo smysla. Shtrikhi k portretu N. D. Kondrat'eva [Economics of common sense. Touches to the portrait of N. D. Kondratiev]. *Vestnik Akademii nauk SSSR [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR]*, 4, 46-58. (In Russ.)

Stiglitz, J. (2010). *Freefall. America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy*. New York: W.W. Norton & Company, 480.

Strumilin, S. G. (1927). K teorii planirovaniya [To the theory of planning]. *Planovoe khozyaystvo [Planned economy]*, 11, 115-133. (In Russ.)

Van Lan & Zhao Inin (2010). Svyaz' mezhdru kitaizatsiey marksizma i modernizatsiey Kitaya [Correlation between the Sinification of Marxism and China modernization]. *Reforma i otkrytost' [Reform and opening]*, 3, 16-17. (In Russ.)

Vinogradov, A. V. (2010). Kitayskaya modernizatsiya v sravnitel'noy perspektive [Chinese Modernization in Comparative Perspective]. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics Russia]*, 1(1), 104-120. DOI: <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2010-1-1-104-120>. (In Russ.)

Volynskii, A. I. (2021). Komplementarnye ekonomicheskie instituty i ideologii: est' li svyaz'? [Is There a Link Between Complementary Economic Institutions and Ideologies?] *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 18(4), 497-511. DOI: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-4.2>. (In Russ.)

Дата поступления рукописи: 01.11.2021.

Прошла рецензирование: 18.11.2021.

Принято решение о публикации: 20.12.2021.

Received: 1 Nov 2021.

Reviewed: 18 Nov 2021.

Accepted: 20 Dec 2021.